

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ

Рассматриваются особенности памятников культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, защита которых должна строиться на комплексе мер, включающих международное право, российское законодательство, нормы обычного права этих народов и нормы, принятые бизнес сообществами. Исследование строится на полевых этнографических материалах, собранных в различных регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Подчеркивается актуальность сохранения таких памятников, в первую очередь священных мест, в условиях промышленного освоения. Рассматриваются возможности включения в правозащитный и исследовательский дискурс в России документов ООН, в частности доклада «Руководящие принципы развития предпринимательской деятельности в аспекте прав человека». Показана роль этнологической экспертизы для согласования мер их защиты с аборигенами и в определении статуса объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов. Рассматриваются вопросы правовой защиты культурного наследия на примере законодательства Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Делается вывод о необходимости междисциплинарных исследований с привлечением комплекса правовых и квазиправовых норм.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы России, священные места, этнологическая экспертиза, нематериальное культурное наследие, международное право, российское законодательство, обычное право, корпоративные нормы бизнес сообщества.

В Российской Федерации в настоящее время выявлено около 140 тыс. объектов культурного наследия¹. Для их правовой защиты, сохранения и изучения различными государственными и общественными структурами проводится большая работа. На этом фоне защита культурного наследия коренных малочисленных народов Севера требует особого внимания, так как оно подвергается деформации в современных условиях, недостаточно изучено исследователями, а для многих современных жителей Севера вообще представляется довольно странным явлением. Достаточно сказать, что такие объекты, как «священные места» вообще известны только самим аборигенам и уче-

ным. Вместе с тем интенсивное промышленное освоение мест проживания коренных малочисленных народов вызывает необходимость выработки действенных механизмов защиты поликультурного пространства.

Регулирование вопросов охраны культурного наследия коренных народов Севера строится на комплексе норм, включающих международные и национальные. В 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав коренных народов, в которой сформулированы положения, характеризующие общие нормы для национальных государств, в которых проживают коренные народы. В декларации подчеркивается, что эти народы имеют право на сохранение

---

¹ Объекты культурного наследия. Памятники истории и культуры Российской Федерации. При поддержке Министерства культуры Российской Федерации. URL: <https://www.kulturnoe-nasledie.ru> (дата обращения 10.08.2012).

и использование культурного наследия, а государства, в которых они проживают, обеспечивают их права (ст. 11–15). Особенно важно при этом, что, согласно ст. 32, коренные народы имеют право определять приоритеты и разрабатывать стратегии освоения и использования своих территорий, а государства сотрудничают с этими народами «с целью заручиться их свободным и осознанным согласием до утверждения любого проекта, затрагивающего их земли или территории и другие ресурсы, особенно в связи с освоением, использованием или разработкой полезных ископаемых, водных или других ресурсов». Признаются также права этих народов на земли, которыми они владели по традиции «с должным уважением к обычаям, традициям и системам землевладения соответствующих коренных народов»².

Таким образом, в данных документах предполагается процедура согласования любой деятельности, которая затрагивает интересы коренных народов. Международное право исходит из того, что права коренных народов связаны с обеспечением им доступа к определенным территориям, которые как сами по себе, так и находящиеся на них другие ресурсы составляют основу их жизнеобеспечения: «Ни один народ, ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования»³.

В 1992 г. была принята Конвенция ООН о биологическом разнообразии, которая предусматривает обязанности государств-участников в области сохранения и поддержания традиционных знаний и практик коренных народов, имеющих значение для сохранения биологического разнообразия. Результатом работы конференции по этой конвенции стали «Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых местными и коренными

общинами». Этот документ допускает возможность объединения оценок культурных, экологических и социальных последствий в единый процесс. Оценка культурных последствий предполагает: «возможное воздействие на непрерывное обычное использование биологических ресурсов; возможное воздействие на уважение, сохранение, охрану и поддержание традиционных знаний, нововведений и практики; возможные последствия на местах расположения святынь и связанные с ними ритуалы и обряды; уважение потребности в уединении для целей, связанных с культурой; возможное воздействие на осуществление обычного права»⁴.

В последнее десятилетие все большее значение приобретают международные документы, которые определяют принципы социальной и экологической ответственности промышленных компаний. Многие компании подключаются к Глобальному договору, включающему десять принципов, два из которых («деловые круги должны поддерживать и уважать подход, предусматривающий защиту международных прав человека в их сферах влияния; деловые круги не должны быть причастными к нарушениям прав человека») определяют позицию компаний в сфере прав человека⁵. В соответствии с этим документом, Российским союзом промышленников и предпринимателей была инициирована «Социальная хартия российского бизнеса». В ней специально выделены вопросы участия бизнеса в развитии местных сообществ, следования принципам корпоративного гражданства. Наряду с другими положениями этого документа, в нем высказана такая интересная мысль: «принятие социальных обязательств российским деловым сообществом и отдельными компаниями – не альтруизм и не выкуп “социальной лицензии” на коммерческую деятельность. Социальная ответственность бизнеса может быть и обязана быть полезна для долгосроч-

² Декларация прав коренных народов ООН // Организация Объединенных Наций. Декларации. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 10.08.2012).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединенных Наций. Конвенции и соглашения. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.08.2012).

⁴ Добровольные руководящие принципы Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых местными и коренными общинами. URL: <https://www.cbd.int/doc/publications/akwe-brochure-ru.pdf> (дата обращения 10.08.2012).

⁵ Глобальный договор // United Nations Global Compact. URL: <http://www.unglobalcompact.org/Languages/russian/index.html> (дата обращения 10.08.2012).

ного успеха самих компаний в той же мере, как и полезна для общества в целом»⁶. Именно добровольность составляет основу таких документов.

В течение многих лет банки, работающие в секторе проектного финансирования, искали пути создания единых правил, отражающих социальные и экологические аспекты, применимые во всех странах мира к проектам во всех отраслях промышленности. Они несколько раз перерабатывались, и в 2006 г. была утверждена новая редакция Принципов Экватора, которые регламентируют условия финансирования в соответствии с принятыми стандартами. В отношении коренных народов особый интерес представляют стандарты и процедуры, определяющие ответственность заемщиков в вопросах охраны окружающей среды и групп населения, на которые оказывает воздействие финансируемый проект. Это десять принципов, предусматривающих и экологическую, и социальную оценку, консультации с местным населением, планы действий, которые должны приводить к смягчению воздействия проекта, а также мониторинги, независимые оценки и т. п. Очень важно, что организация, принимающая Принципы Экватора, каждый год публикует отчет о том, как она их выполняет. В документах объединения организаций, принявших Принципы Экватора, подчеркивается что они признают и реализовывают принципы добровольно и независимо⁷.

Такие инициативы являются открытыми для общественного контроля. Нефтяные компании часто работают в разных странах и чувствительны к вопросам имиджа, о чем свидетельствуют, например, их сайты и выступления топ менеджеров в СМИ. Всемирным фондом дикой природы (WWF) был осуществлен проект «Вклад крупнейших компаний России в устойчивое развитие» На вопросы подготовленной фондом анкеты лучше всего ответили нефтяные компании – 100 %. При сравнении этих компаний с другими можно сделать вывод о том, что они

наиболее интегрированные в мировую экономику представители делового сообщества.

В 2007 г. Джон Ругги, специальный представитель Генерального секретаря ООН по правам человека, международным корпорациям и другим деловым предприятиям, сделал доклад, в котором говорил о недостаточности добровольных инициатив. Он рекомендовал усилить работу по выработке более четких обязательных рамок для корпоративной ответственности и подотчетности в сфере прав человека [Уилсон, Свидерска, 2008. С. 23–26]. В 2011 г. был подготовлен еще один доклад, который строился на признании необходимости защиты прав человека со стороны государств. В отношении деятельности предприятий предполагалось, что государства будут «поощрять и при необходимости требовать от предприятий предоставления информации о том, каким образом они устраняют оказанное ими воздействие на права человека» [Ругги, 2011. Параграф С9].

После большого числа консультаций со всеми заинтересованными сторонами (47 международных консультаций на всех континентах к январю 2011 г.; Специальный представитель и члены его группы посетили производственные объекты, а также встречались с заинтересованными сторонами на местах в более чем 20 странах) были разработаны рекомендации – «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека...». Цель данного документа состоит в том, чтобы, не создавая новых норм международного права, служить основанием для разработки рекомендаций по организации деятельности промышленных компаний в местах проживания коренных малочисленных народов, в том числе и в РФ. При этом в нормативной базе ООН закреплено положение о том, что при определении ситуации с соблюдением прав коренных народов должны учитываться как рамочные соглашения, так и документы, которые приняты специально в отношении этих народов.

Для осуществления корпоративной ответственности за соблюдением прав человека предприятия должны устранять неблагоприятное воздействие, предотвращать, смягчать его и при необходимости возмещать ущерб – так достаточно однозначно указывается в комментариях к «Руководя-

⁶ Социальная хартия российского бизнеса. Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей). Редакция 2007 г. М.: РСПП, 2008 URL: www.rspp.ru/12/6273.pdf (дата обращения 10.08.2012).

⁷ Принципы Экватора. URL: www.equator-principles.com (дата обращения 10.08.2012).

щим принципам». Для выполнения своих функций предприятия должны оценивать риски, опираясь на собственные экспертные знания или знания независимых внешних экспертов и консультации с потенциально затрагиваемыми группами. Причем в документе предлагается отслеживать эффективность мер, которые предпринимают предприятия для ликвидации неблагоприятных последствий.

Для практического применения особенно важны разделы документа о доступе к средствам правовой защиты, где наряду с государственными судебными и внесудебными указываются негосударственные механизмы рассмотрения жалоб. В документе отмечается: «С целью оперативного рассмотрения жалоб и прямого возмещения ущерба предприятиям следует учредить в интересах отдельных лиц и общин, которые могут оказаться жертвами неблагоприятного воздействия, эффективные механизмы рассмотрения жалоб на оперативном уровне или принимать участие в их работе». Критериями эффективности внесудебных механизмов рассмотрения жалоб являются следующие: легитимность, доступность, предсказуемость, справедливость, транспарентность, соответствие нормам в области прав человека, источник непрерывного обучения. Эти механизмы должны быть основаны на взаимодействии и диалоге [Ругги, 2011. Параграф 3В31].

Международные стандарты могут рассматриваться как важнейшая часть переговорной площадки для установления партнерских отношений между коренными народами и промышленными компаниями. Они дают возможность широко и всесторонне использовать право и избежать общей «болезни» экспертов, работающих по заданию компаний. «Болезнь коммерциализации захватила сегодня публичное право, конституционные институты, избирательные процедуры, сферу административных отношений, связи между гражданином и государством, достигла самых высот публичной власти, но все же в публичном праве пока еще нет такой сплошной концентрации коммерческого духа, какая существует в праве частном» [Право и культура, 2002. С. 147].

Изучение опыта взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных народов Севера РФ показывает, что существующая правовая база недоста-

точно для полной и эффективной защиты прав этих народов. Нужно заниматься и выработкой механизмов осуществления корпоративной ответственности промышленных компаний. Если они будут следовать в своей деятельности международно признанным принципам осуществления и защиты прав человека (и прав коренных народов) на основании добровольно взятых на себя обязательств, то их работа в районах Севера будет встречать поддержку населения и сможет стать основой для устойчивого развития коренных малочисленных народов, повышения их благосостояния и качества жизни. Поэтому столь важно включить «Руководящие принципы» в исследовательский и правозащитный контекст.

В России организациями, которые в состоянии способствовать претворению в жизнь высоких международных стандартов, могут стать общественные объединения коренных малочисленных народов и Российский союз промышленников и предпринимателей.

В сфере землепользования коренных малочисленных народов, от чего зависит и судьба их культурного наследия, возникают проблемы, связанные с особенностями мировоззрения и религиозных представлений, с большей ролью невербальных средств определения и передачи информации. Важнейший элемент картины мира коренных народов – священные места, относящиеся к определяющим элементам их культуры. Согласно обычному праву народов Севера, они являются священными именно потому, что люди постоянно (иногда мысленно) совершают определенные действия в отношении таких мест для обеспечения благополучия своих семей и неразрывности культурного пространства. Специалистам известно, что священные места могут быть выявлены только этнографическими методами, к тому же люди часто не хотят привлекать к ним внимание посторонних, справедливо опасаясь негативных последствий.

Кроме того, по справедливому утверждению О. Балалаевой и Э. Уигета относительно хантов, «священные места и устные предания о них являются не только значимыми культурными символами, но и конструируют этничность хантыйского народа» [Балалаева, 1999]. Существует длительная традиция их описания и изучения в Западной Сибири [Балалаева, Уигет, 1998. С. 13–14;

Балалаева, 1999; Значение охраны священных..., 2004; Соколова, 2009]. О. Э. Балалаева провела исследования священных мест в бассейне Оби, идентифицировав 150 местонахождений и представив их классификацию. Она отмечает, что «значение этих мест определяется их положением в более широком, “сконструированном” местной культурой природно-социальном ландшафте. ...уничтожение ландшафта влечет за собой неизбежную гибель священных мест, разрушение которых, в свою очередь, ведет к исчезновению автохтонной культуры хантов» [1999. С. 151].

Особенно важными являются такие священные места, которые, представляются «точками», связывающими части жизненного пространства аборигенов. Возможно поэтому в объяснениях их самих звучит представление о полифункциональности этих мест, поскольку символическое и утилитарное в картине мира аборигенов тесно связаны, часто могут перетекать одно в другое. Аборигенами предпринимаются также попытки расширить «охраняемые территории», в том числе и за счет священных мест. С другой стороны, например, в конфликте Ю. Вэллы с ЛУКОЙлом участок родовых угодий – священное место, сохранялся в тайне до последнего. Ю. Вэлла был готов объявить о нем на суде только в крайнем случае (ПМА, Ю. Вэлла). О разнообразии ответов коренных жителей на такой вопрос во время экспертной работы по проекту «Восточная Сибирь – Тихий океан» пишет А. А. Сирина. Она отметила, что многие респонденты затруднились ответить конкретно, так как, по их представлениям, это широкое понятие [2008. С. 126–127]. Приведенное в данной работе мнение о связующей роли священных мест может послужить интерпретации данного явления.

Интересно отметить, что священные места могут выполнять функцию площадки определения правовых норм и вынесения решений. Так, в современных условиях одним из наиболее значительных священных мест в Западной Сибири является оз. Нумто. На острове в центре озера собираются ханты и ненцы на большие жертвоприношения. Там они молятся, делают жертвоприношения и обсуждают важные вопросы, в том числе, что значит та или иная норма и как она должна применяться. Вспоминают на таких местах и о нефтяниках. Хантам удалось не-

сколько лет сдерживать нефтяников на Тром-Агане, так как верховья этой реки являются священными. Подобные ситуации возникали и в других местах. Так, Н. Л. Жуковская описала ситуацию проектирования нефтепровода через Тункинский национальный парк в Бурятии. Шаманы провели моления в нескольких священных местах Тункинской долины, так как считали, что строительство может причинить вред их духам-хозяевам. В сознании многих местных людей эти события привели компанию ЮКОС, которая должна была выполнять этот проект, к негативным последствиям [2008. С. 77–78].

Священные места априорно должны иметь правовой статус части территории традиционного природопользования. Но согласно ст. 10 и 16 Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» объекты историко-культурного наследия, в том числе культовые сооружения, места древних поселений и места захоронений предков и иные объекты, имеющие культурную, историческую, религиозную ценность, выделяются в границах территорий традиционного природопользования и подлежат охране. Как можно видеть, священные места не названы, что является очевидным пробелом законодательства.

Поэтому непростым стал вопрос о статусе священных мест во взаимоотношениях с нефтяниками и другими промышленниками. При проведении этнологических экспертиз на Сахалине и в Ямало-Ненецком автономном округе мы сталкивались с ситуациями, когда заявлений аборигенов бывало недостаточно для защиты их прав на свою культуру, почитание священных мест [Обзор документации..., 2008; Василькова и др., 2011]. В подобных случаях необходима работа антропологов, включающая проведение исследования, написание экспертного заключения и привлечение общественного мнения к таким вопросам.

При проведении экспертизы в описываемых ситуациях возникает правовая коллизия. Процесс экспертизы регулируется двумя федеральными законами: «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», определяющим процедуру государственной историко-культурной экспертизы,

и «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», дающим определение этнологической экспертизы. В законе «Об объектах...» представлен государственный взгляд, по определению не учитывающий все, что не имеет материального воплощения. В результате процесс проведения этнологической экспертизы еще недостаточно урегулирован и антропологи могут воспользоваться не юридическими, а общественными средствами. Мы можем в такой ситуации привлекать общественное мнение в расчете на добровольное изменение позиции компаний либо опираться на протестные акции аборигенов. Складывается ситуация, при которой «вместо иерархического проекта ученых, изучающих Другого, возникает совместный проект, в рамках которого ученые оказываются более жестко встроенными в те сообщества, которые они исследуют». Для целей прикладной антропологии тогда используются средства воздействия на более широкую аудиторию, выступления в СМИ или участие в общественных акциях [Калдвелл, 2010. С. 51–52]. Интересно отметить, что с такой ситуацией антропологи сталкиваются как в России, так и в других странах, в частности США.

Еще одним средством продвижения антропологических исследований является популяризация международных правовых актов. Речь идет о важнейшем в доктринальном плане документе, хотя и не ратифицированном РФ – Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального наследия (2003 г.). В ст. 2 конвенции дается определение нематериального культурного наследия: «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»⁸. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории, формирует у них чувство самобытно-

сти и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Как видим, этот документ исходит из признания права определять значение культурного наследия, опираясь на традиции.

Такой подход в России нашел подтверждение в законодательстве некоторых субъектов Федерации, и на Севере уже есть опыт изучения и защиты священных мест самими аборигенами. В частности, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ инициировала и осуществила проект «Значение охраны священных мест коренных народов Арктики» (на территориях ЯНАО и Корякского автономного округа) [Значение охраны священных..., 2004]. В 2006 г. принят закон «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа». В нем выделены особенности и важнейшие черты традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Закон должен будет сыграть решающую роль в сохранении культуры ненцев, в частности при проведении гарантированной законодательством историко-культурной экспертизы. Так, ст. 8 определяет объекты культурного наследия коренных малочисленных народов Севера:

- 1) семейные, родовые и национальные священные, культовые места;
- 2) семейные и родовые места захоронений;
- 3) семейные, родовые и национальные памятные места;
- 4) места бытования народных промыслов;
- 5) иные объекты, представляющие исключительную ценность для коренных малочисленных народов Севера.

Закон также определяет права этих народов на охрану священных мест, в том числе и в соответствии со своими обычаями.

Специального внимания заслуживает закон «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (от 2005 г.). Согласно ст. 3, «под святыней коренных малочисленных народов в целях настоящего закона понимается элемент природного ландшафта, считающегося священным местом в силу его значимости для религии и отправления религиозных обрядов данных народов. При этом святыней коренных на-

⁸ Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального наследия (2003 г.). URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения 10.08.2012).

родов должно быть признано выявленным объектом культурного наследия автономного округа или включенным в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в качестве объекта культурного наследия автономного округа»⁹. Отличием этого закона от закона ЯНАО является то, что, несмотря на его безусловное важнейшее нововведение – определение святылищ, закон не оговаривает регулирование вопросов использования и защиты таких мест на основании обычаев коренных народов. Затруднения могут возникнуть и из-за необходимости признания святылища объектом культурного наследия либо включения его в единый государственный реестр. Трудно сказать определенно, как будет складываться процесс выявления святылищ и их регистрации, но для некоторых такая процедура может стать препятствием. Тем не менее закон может сыграть большую роль в защите священных мест при промышленном освоении. Для обеспечения прав коренных малочисленных народов предусматривается «получение в соответствии с законодательством информации о разработке проектов и планов развития территории, на которой расположены святылища коренных малочисленных народов». Очевидно, что применение этой статьи потребует активных действий самих аборигенов. Положительным явлением в полномочиях Правительства ХМАО стало также «создание правовых, организационных, материально-финансовых и иных условий для сохранения, использования и охраны святылищ коренных малочисленных народов» (ст. 6).

Как можно видеть, существующее законодательное регулирование вопросов защиты святылищ демонстрирует сложности этого процесса. Более перспективным представляется включение в него правовых обычаев коренных народов, что может быть более адекватным их жизненным практикам.

В ХМАО существует еще одна особая категория земель – «места традиционного бытования фольклора – территории, в пределах которых исторически сложилось и развивается в соответствии с самобытными

традициями нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов». Это понятие введено законом «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» (2003 г.). Данная новелла обеспечивает важное право коренных малочисленных народов на сохранение и защиту мест традиционного бытования фольклора и природных ресурсов, необходимых для продолжения и развития фольклорных традиций (ст. 5). Таким образом, законодатель связал воедино право на ресурсы и сохранение фольклора как неотъемлемой части культурного наследия. Этот закон юридически закрепил высказываемые многими аборигенами мысли. Так, Т. А. Молданов отмечал, что необходимо «места компактного проживания носителей фольклора (они как раз совпадают с территориями приоритетного природопользования) отнести к особо охраняемым территориям, так как они являются местом воспроизводства духовной культуры» [2004. С. 70].

Аналогично освоенная территория эвенков рассматривается А. А. Сириной, которая отмечает, что «у людей, живущих на ней, формируется психологически особое, эмоционально окрашенное отношение к этой земле, которое можно выразить словами “своя земля”. Представления о “своей земле” составляют те запреты, обычаи, обряды, которые связаны как с эвенкийской архитектурой, материально организованной средой, так и с определенными природными объектами». А. А. Сирина обосновывает своим исследованием представление эвенков о территории обитания (тайге) как доме [2002. С. 223, 258]. Представления аборигенов в этом случае могут быть интерпретированы в контексте неразрывности пространства, в котором священные места играют важную роль соединительных элементов.

Конфликты, связанные со священными местами, возникают, хотя аборигены не очень хотят о них говорить. Так, острая ситуация возникла в 1998 г. в связи со священным местом хантов и лесных ненцев в Сургутском районе. Защитником этого места выступил оленевод Н. Н. Вылла. В его семье никто не имел высшего или специального образования, только несколько классов школы, но люди пытались отстаивать свои права с опорой на существующие пра-

⁹ Закон ХМАО «О святылищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (от 2005 г.). URL: <http://law7.ru/base83/part4/d83ru4279.htm> (дата обращения 10.08.2012).

вовые нормы. Через весеннее пастбище Н. Н. Вылла начали прокладывать дорогу, а новые вышки собирались ставить как раз на священном месте. Никита Напасевич написал заявление нефтяникам, но те ссылались на подписи владельцев родовых угодий. Когда на стойбищах заходил разговор о подписях, люди рассказывали, что им ничего толком не объясняли. Например, хантам говорили, распишитесь за получение компенсаций, а то ничего вам давать не будем, а землю заберем, потому что соседи уже подписали. И люди были вынуждены подписывать, тем более, что многие из них неграмотны, некоторые не знали русского языка. Земля, о которой идет речь, являлась общинно-родовым угодьем, и нефтяники должны были собрать всех хантов и объяснить, о чем они заключают соглашение. В международных документах отмечается, что должно быть информированное участие аборигенов в проектах, затрагивающих их интересы. Наши законы не настаивают на этом, поэтому аборигены часто не знают, что подписывают.

В отношении священных земель проблема правового плюрализма стоит наиболее остро. Многие представители коренных народов не хотят придавать таким землям статус «памятника истории и культуры», с одной стороны, потому, что не желают раскрывать, где находятся их святилища приедем, с другой стороны, по их идеологии, такие земли могут потерять свой традиционный статус, если будут названы и жестко определены. Представители же государства и промышленников даже не задумываются над тем, что они должны воспользоваться консультациями специалистов, провести этнологическую экспертизу.

До принятия федерального закона об этнологической экспертизе важно учитывать, что в культурах разных народов есть свои методы использования и сохранения историко-культурного наследия. Невнимание к ним, нарушение норм обычного права, соответствующего традициям этих народов, приводит к негативным последствиям и может вызвать рост социальной напряженности и конфликты в этнокультурной и этноконфессиональной сферах. Существенным элементом системы правовой защиты культурного наследия коренных малочисленных народов могут стать международные документы, определяющие права коренных на-

родов и нормы социальной ответственности бизнеса. Междисциплинарный подход, привлечение для экспертизы не только археологов и историков, но и социальных и юридических антропологов позволит увидеть более полную и адекватную картину и исторического прошлого, и современных представлений различных народов о таких памятниках как средствах презентации своей культуры в глобальном мире.

Список литературы

Балалаева О. Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 139–156.

Балалаева О. Э., Уигет Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов). М.: Изд-во ИЭА РАН, 1998. 18 с.

Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.; Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2011. 268 с.

Жуковская Н. Л. Тункинский национальный парк против ЮКОСа: история одного противостояния // ЭО. 2008. № 3. С. 71–78.

Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2004. 184 с.

Калдвелл М. Прикладная антропология в Соединенных Штатах: ангажированность, обязательства, этика // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 47–58.

Молданов Т. А. Современное состояние культуры ханты и манси // Встреча родов ханты. Сургут, 2004. С. 67–71.

Обзор документации проекта «Сахалин-2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Стратегия, 2008. С. 288–312.

Право и культура. М.: РУДН, 2002. 423 с.

Ругги Дж. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся защиты, соблюдения и средств правовой защиты. Доклад Специального представите-

ля Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях. Генеральная Ассамблея ООН, 21 марта 2011 г. 17-я сессия (Номер документа: A/HRC/17/31) // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/121/92/PDF/G1112192.pdf?OpenElement> (дата обращения 10.08.2012).

Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск: Оттиск, 2002. 286 с.

Сирина А. А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенков // ЭО. 2008. № 2. С. 121–138.

Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. С. 594–607.

Уилсон Э., Свидерска К. Горнодобывающая промышленность и коренные народы: регулирование, участие и роль антропологов // ЭО. 2008. № 3. С. 17–27.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2013

N. I. Novikova

THE PROTECTING CULTURAL HERITAGE OF THE NORTH SMALLER PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT

The article is devoted to basic characteristics of the objects of the cultural heritage of the North smaller peoples. The author acknowledges that the protecting should be relied on the complex measures, including international law, Russian Federation legislative basis, standards of traditional law of the north communities and international business standards. The author undertakes the examination of the field ethnographic materials, collected in the various North, Siberian and the Far East regions of the Russian Federation. The author argues that the preservation of these objects, particularly sacred places, becomes topical in the context of the industrial development. She considers that it is necessary to include the official United Nations framework agreements in the Russian public and scientific discourse, namely «Guiding principles on Business and Human rights» implementing the United Nations «Protect, Respect and Remedy» Framework. Her analysis reveals that ethnological expert examination is key stage in the process of the harmonization of legislation in the protecting of the aboriginal communities and the status detection of the non-material objects of the cultural heritage. In addition the author examines the problems of the legal assistance of the cultural heritage based on the materials of Yamal-Nenets Autonomous Area and Khanty-Mansi Autonomous Area. Significantly, author's findings conclude that there is exigence in the researches based on interdisciplinary approach mobilized the complex of the legal and quasilegal standards.

Keywords: North smaller peoples of Russia, sacred places, ethnological expert examination, non-material objects of the cultural heritage, international law, Russian Federation legislative basis, standards of traditional law, international business standards.